

Законодательная база уголовного процесса в России в 1750–1760-е гг.

Мария Святославовна Петрова✉

Высшая школа экономики, Москва, Россия
Контакт для переписки: mspetrova@hse.ru✉

Аннотация. Исследование проведено в междисциплинарном поле и посвящено истории права России XVIII в. Вопрос законодательного регулирования судебно-следственного процесса во второй половине XVIII в. широко освещен исследователями с точки зрения изучения нормотворчества, но лакуной остается реализация реформ на практике. В первую очередь это касается эффективности реформ суда и следствия времен Екатерины II: исследователи уделяют большое внимание второй половине правления императрицы, справедливо отмечая важность губернской реформы. Тем не менее малоисследованным остается ранний период правления — первые указы, положившие начало реформам. Также наименее разработанным направлением остается изучение материалов правоприменительной практики в их прямой связи с законодательством. В настоящей статье представлены результаты изучения ранее не опубликованных архивных материалов общеуголовных дел, которые велись в судебно-следственных органах Москвы в 1750–1760-е гг. Целью исследования стала реконструкция основных этапов следствия в соответствии с соотношением включаемых в судебном процессе в дело нормативно-правовых актов и их реализацией на практике в имущественных преступлениях без применения насилия. Главным методом исследования стала теория практик, изолирующая информацию источников от современных интерпретаций и позволяющая провести диахронный анализ. Анализ материалов позволил выявить, какие нормативно-правовые акты использовались в практике, как происходило постепенное изменение процесса и как он трансформировался согласно нововведениям екатерининского времени.


Ключевые слова: история права, Екатерина II, междисциплинарные исследования, история России, XVIII в., история реформ, история преступления и наказания

Цитирование: Петрова М. С. 2023. Законодательная база уголовного процесса в России в 1750–1760-е гг. // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 3 (35). С. 60–76. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-3-60-76>

Поступила 30.01.2023; одобрена 03.08.2023; принята 30.09.2023

The legislative framework of the investigative process in Russia in the 1750–1760s

Mariia S. Petrova 

Higher School of Economics, Moscow, Russia
Corresponding author: mspetrova@hse.ru 

Annotation. This is an interdisciplinary study of the history of the Russian law in the 18th c. The legislative framework of the investigative process in his period has been studied from the historical perspective of legislative works, but the reform's implementation in practice remains a lacuna. First, this concerns the effectiveness of the reforms of the court and investigation during the reign of Catherine the Great — researchers pay great attention to the second half of the reign of the Empress, rightly noting the importance of the Provincial reform. Nevertheless, the early period of her reign remains little explored namely, the first decrees that initiated the reforms. Additionally, the least developed is the study of law enforcement materials in their direct connection with legislation. This article presents previously unpublished archival materials of criminal cases from the judicial and investigative bodies of Moscow in the 1750–1760s. This article aims to reconstruct the main stages of the investigation in accordance with the normative legal acts included in the judicial process and their implementation in practice in property crimes without the use of violence. This has required using the theory of practices for providing efficient way for interpretations and allowing for diachronic analysis. The analysis of the materials helped to identify which normative legal acts were used in practice, how the process gradually changed, and how it was transformed according to the innovations of Catherine the Great's time.

Keywords: history of law, Catherine the Great, interdisciplinary research, history of Russia, 18th century, history of reforms, history of crime and punishment

Citation: Petrova M. S. (2023). The legislative framework of the investigative process in Russia in the 1750–1760s. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(3), 60–76. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-3-60-76>

Received Jan. 30, 2023; Reviewed Aug. 3, 2023; Accepted Sept. 30, 2023

Введение

Изучение истории эволюции нормативно-правовой базы судебно-следственного процесса в России 1750–1770-х гг. берет начало в публицистических сочинениях второй половины XVIII в., в которых в описательной форме был поставлен ряд вопросов, позднее ставших центральными в историографии. Они касались двух проблем: моратория на смертную казнь, введенного Елизаветой Петровной, и трансформации уголовного права и процесса в период правления Екатерины II. В последнем случае исследовательский интерес был сконцентрирован вокруг двух источников: «Наказ Комиссии для сочинения проекта нового Уложения» (далее — «Наказ...») 1767 г. и «Учреждения для управления губерниями» 1775 г., при этом значительно меньшее внимание уделялось ранним указам императрицы.

В историографии сложилась традиция, что исследователи в первую очередь работают с законодательным материалом, не синтезируя его с источниками низовой практики процесса, которые изучаются вне контекста реализации законодательных актов. В до-революционной историографии данное разделение было очень четким, в то время как абсолютное большинство исследований базировались на законодательстве [Иконников, 1890; Витт, 1909; Екатерина II, 1907], тексты судебно-следственных дел (в основном политических или же представлявших важные прецеденты¹ в праве) публиковались исключительно для ознакомления [Семевский, 1991; Есипов, 1861]. В советской историографии упор делался на парадигму социологической школы в классовом контексте марксизма-ленинизма: идея полного закрепощения зависимого населения, насильственное отношение «буржуазии» к стоящим ниже социальным слоям и прочие идеи классового подхода не требовали глубокого погружения в применение тех или иных законодательных актов [Солодкин, 1966; Чельцов-Бebutov, 1948]. Постепенно, начиная с 80-х гг. XX в., начинается работа с архивным материалом: в первую очередь это законодательство [Омельченко, 2004; Серов, 2009]; затем, к началу XXI в., исследователи, занимающиеся историей повседневности [Курукин, Никулина, 2008; Каменский, 2006], начинают обращать внимание на синтез нормативно-правового материала и низовой практики, но даже наиболее фундаментальные работы не охватывают широкие ниши —

¹ Нет однозначной точки зрения, какова была роль прецедентов в системе права Российской империи. Историки права преимущественно придерживаются континентальной правовой системы, тем не менее работа с делопроизводственными источниками и материалами в Полном собрании законов Российской империи показывает, что прецеденты фиксировались и могли работать в судебной практике.

они посвящены отдельным особым преступлениям и уникальным делам [Анисимов, 1999; Смилянская, 2003; Бабкова, 2012]. При этом незатронутой остается наиболее распространенная практика — общеуголовные дела по имущественным преступлениям, где специфика следствия проявляется именно в общности многочисленных «рядовых» дел. Анализ законодательного материала синхронно с судебно-следственными документами по общеуголовным делам остается направлением, лишь фрагментарно представленным в историографии [Акельев, Бабкова, 2012].

В 1763 г., в первый год правления Екатерины II, 10 февраля был издан именной указ «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» (далее — «О порядке производства...»), который положил начало коренным изменениям в системе уголовного права Российской империи. Его ключевые положения отразили основные направления дальнейшей политики Екатерины II в сфере реформирования суда и следствия.

Цель данного исследования — реконструкция основных этапов судебно-следственного процесса в России в 50–60-е гг. XVIII в., основанная на изучении законодательства (регламентирующего главные аспекты процесса), соотнесенного с материалами низовой практики — делопроизводственным материалом судебно-следственных инстанций. Направление работы также концентрируется на анализе введения в практику постепенных изменений, происходивших в указанные периоды.

Работа произведена в соответствии с фокусом на ранее неопубликованных делопроизводственных материалах, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фондах Сысского приказа (ф. 372) и Московской розыскной экспедиции (ф. 373).

В рамках исследования была произведена выборка делопроизводственных документов по расследованию имущественных преступлений разной степени тяжести за 1750-е и 1760-е гг. Первое десятилетие охватывает деятельность Сысского приказа (период правления Елизаветы Петровны), второе — Московской розыскной экспедиции (период правления Екатерины II). В юрисдикции указанных органов находилось расследование тяжких и особо тяжких деяний в Москве и Московской губернии. В силу реформирования иерархии органов и изменений спектра прав на проведение следственных мероприятий, их положение в системе административных органов менялось, но основная роль главного судебно-следственного органа на данной территории сохранялась.

Основная гипотеза исследования: указ «О пристанодержательстве...» положил начало коренному изменению процесса, что было отражено в том числе и в составлении экстрактов со статьями, где он выступал наряду со статьями Соборного уложения, корректируя их.

Методы

Проведенная работа имеет междисциплинарную методологическую основу. В первую очередь, исследование базируется на синтезе подходов юридической и исторической наук — в историографии подробные исследования уголовного законодательства XVIII в. преимущественно принадлежали к «государственной» школе юриспруденции.

В современной правовой науке наиболее предпочтительным для изучения данной проблематики представляется концептуальный анализ Харта, в рамках которого отдельно выделяется связь между самим законом и его требованием к поведению граждан [Hart, 1994; Rodriguez-Blanco, 2005], что позволяет отвести особое место при изучении законодательства анализу делопроизводственных материалов низовой практики, который отталкивается от фундаментальных принципов источниковедения [Румянцева, 2015].

Также важным методом для проведения исследования стала теория практик. Применение данной методологии продиктовано необходимостью диахронного анализа повседневной деятельности административных органов в XVIII в. Именно теория практик позволяет ставить под вопрос стандартные интерпретации целого ряда феноменов, которые присутствуют в исследовании.

Практики интерпретации — это принятие неявных правил или коллективных норм, которые появляются за счет исторически меняющихся конфигураций повседневных практик [Волков, Хархордин, 2008, с. 43]. Несмотря на то, что основным источником становления принципов следствия являются нормативно-правовые акты, издаваемые государством, необходимо также проследить, как именно они интерпретируются и применяются на практике — в какой мере реализовывается новая конфигурация. Одной из важнейших функций становится «феноменологическая чистка» исследования — отказ от стандартных дефиниций (например, использование слов «пытка», «розыск», «пристрастный расспрос»), требующее абстрагирования и тщательной работы с терминологическим аппаратом эпохи. При работе с историей России XVIII в. эта задача решается при помощи обращения к «Словарю Академии Российской». В первую очередь стоит обратиться к трактовке слова «розыск», которое, вопреки современному пониманию (которое находится в сфере уголовного права и близко к определению «оперативно-розыскной деятельности»), имеет одно из значений «розыскивать... 2. пытку спрашивать» [Словарь Академии Российской, 1789–1794]. Данная интерпретация позволяет раскрыть терминологический аппарат с иной стороны: функция «розыска» у судебно-следственного органа (которая, согласно законодательству, отделяет его от полиции и воеводских канцелярий) становится более очевидной. Неотъемлемой частью его становится именно пытка, в то время как стоит отдельно отметить и тот факт, что современная дефиниция слова «пытка» как любого действия, подразумевающего физическое воздействие, в XVIII в. находится в другой плоскости: «пытка» — это отдельное следственное действие, специально регламентированное законом. При этом другие методы изыскания истины (пристрастный расспрос), также подразумевающие физическое взаимодействие на подследственного, пыткой как таковой вовсе не считались. Также важную роль играет и вопрос «практического знания», который в особенности выделяется в социологии [Волков, Хархордин, 2008, с. 62], а в разрезе исторической науки сталкивается с препятствиями метафизического порядка, на решение которых и направлен синтез методов.

Основным источником становления принципов следствия являются нормативно-правовые акты, издаваемые государством, но необходимо проследить, как именно они интерпретируются и применяются на практике — в какой мере реализовывается новая конфигурация.

Результаты

Весь комплекс судебно-следственных мероприятий по расследованию уголовных дел, существовавший в России XVIII в., в историографии характеризуется как «процесс розыскного типа». Основной характеристикой розыскного процесса рассматриваемого периода является верховенство судьбы, как участника процесса, который представлял интересы «общества или государства», а наиболее важной составной частью розыскного процесса являлось применение пытки, что обосновывает его название [Смирнов, 2000, с. 120–121].

Формы инициирования процесса в XVII и XVIII вв. были различными: в XVII в. прева-лировала частная (т. е. челобитные, личная явка) [Коллманн, 2016, с. 161], в XVIII в. происходит перевес в сторону публичной, о чем свидетельствуют указы Петра I от 1697 и 1700 гг. [Серов, 2009, с. 85]. В 1697 г. Пётр I издал указ, получивший в Полном собрании законов Российской империи (далее — ПСЗРИ) название «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» [ПСЗРИ, 1-е собр., т. III, № 1572]. Данный нормативно-правовой акт упразднял состязательность сторон и оформлял новую систему ведения следствия. По мнению законодателя, предшествующая практика приводила к малой эффективности ведения следствия:

«... в которых делах всяких чинов у людей бывают в приказах суды и очные ставки, отста-вить для того, что в судах и в очных ставках от истцов и ответчиков бывает многая неправда и лукавство... а иные истцы и ответчики, для таких же своих коварств и неправды, нани-мают за себя в суды и в очные ставки свою братию...» [ПСЗРИ, 1-е собр., т. III, № 1572].

Основные принципы выстраивания процесса были заложены законодательством эпохи Петра I, в первую очередь указом «О форме суда» [Серов, 2009, с. 200–208], а следствие реализовывалось в надворных судах. Во второй четверти XVIII в. Надворные суды были упразднены, также в системе права стала необходимой дальнейшая коррек-тировка основных принципов законодательства. Важнейшим рубежом стал мораторий на смертную казнь 1754 г., который положил начало первым коренным преобразованиям суда и следствия. После его введения процесс получил тот порядок, реформирование которого начала Екатерина II.

Судебно-следственный процесс во второй половине XVIII в., согласно законодатель-ству и изученным материалам низовой практики, имел четкую структуру, состоящую из нескольких блоков: первичное следствие: инициация дела (при личной явке истца или при приводе полицейскими командами подследственного в судебно-следственный орган) и допрос, по результатам которого (при признании ответчика) может назначаться суд, или, в случае наличия «разноречий» (отсутствия признания, неоднозначных пока-заний, оговоров других) следствие переходит к дальнейшим следственным действиям.

Работа с противоречивыми показаниями происходила в следующих направлениях:

- 1) проведение очных ставок и повальных обысков;
- 2) применение телесных методов изыскания истины (пытка и пристрастный рас-спрос).

В хронологических рамках исследования переломным этапом становится ранний период правления Екатерины II — «О порядке производства...», первый указ, изменивший ход ведения следствия по общеуголовным делам. Главным изменением стало введение увещания, а также осуждение пытки как следственного метода. Важным его результатом в практическом применении стали изменения в ходе ведения следствия, а также в применении основных нормативно-правовых актов.

Как показало исследование, наибольший процент в экстрактах составили статьи Соборного уложения 1649 г. В первую очередь стоит сказать, что многие из них к 1755 и 1764 гг. не имели прямого действия и применялись с корректировкой на действительное законодательство. Например, ряд статей устанавливал применение смертной казни, которая находилась под мораторием. Ниже приведена таблица сравнительного включения статей из Соборного уложения в общеуголовных делах в 1755 и 1764 гг. (таблица 1).

Таблица 1. Включение статей Соборного уложения, %

Table 1. Inclusion of the articles of the Cathedral Code, %

| Статья | 1755 г. | 1764 г. |
|--------|---------|---------|
| 9 | 50,00 | 59,20 |
| 12 | 2,94 | 12,96 |
| 30 | 2,94 | 9,26 |
| 40 | 2,94 | 11,11 |
| 44 | 0,00 | 14,81 |
| 50 | 14,71 | 25,93 |
| 54 | 2,94 | 9,26 |
| 58 | 32,35 | 25,93 |
| 100 | 8,82 | 18,52 |

Источник: [РГАДА, ф. 373, оп. 1, ч. 1, д. 7, 9, 13, 15, 19, 42, 47, 51, 52, 56, 67, 70, 83, 84, 86, 89, 114, 127, 139, 160, 161, 185, 186, 198, 200, 201, 205, 216, 218, 219, 220, 223, 224, 227, 231, 233, 236, 238, 240, 243, 245, 247, 250, 258, 260, 270, 290, 293, 297, 299, 311, 314]

Source: [RSAAA, n.d., f. 373, op. 1, ch. 1, d. 7, 9, 13, 15, 19, 42, 47, 51, 52, 56, 67, 70, 83, 84, 86, 89, 114, 127, 139, 160, 161, 185, 186, 198, 200, 201, 205, 216, 218, 219, 220, 223, 224, 227, 231, 233, 236, 238, 240, 243, 245, 247, 250, 258, 260, 270, 290, 293, 297, 299, 311, 314]

В большинстве дел, возбужденных по факту имущественного преступления, в котором не было применено насилие, в экстракт включалась 9 статья 21 главы Соборного уложения:

«А приведут татя, а доведут на него одну татьбу, и того татя пытать и в и(ы)ных татьбах и в убийстве, да будет с пытки в и(ы)ных татьбах и в убийстве не повинится, а скажет, что он крал впервые, а убийства не учинил, и того татя за первую татьбу бить кнутом и отрезать ему левое ухо, и посадити его в тюрьму на два года, а животы его отдать исцом в выть, и ис тюрьмы выймав его, посылать в кандалах работать на всякия изделия, где государь укажет...» [Соборное уложение..., 1961, с. 265].

Для следствия второй половины XVIII в. этот указ не был применим полностью. Главным образом, он регулировал следующие аспекты:

- 1) необходимость дознания на предмет иных преступлений;
- 2) форма наказания: из указанного в статье применялось только битье кнутом, но иные указы, постановляющие наказание, в дела не включались.

Исключением для следствия становились дела, возбужденные по факту кражи лошадей. Первичной задачей процесса был поиск украденной лошади, и при возвращении ее владельцу в кратчайшие сроки дело часто не имело экстрактов из статей вовсе [РГАДА, ф. 373, оп. 1, д. 13].

В законодательной практике за более чем 100 лет не было издано иных указов, которые регулировали следствие на том же базовом уровне, как статья 9 Соборного уложения.

Второй наиболее часто встречающейся в экстрактах статьей Соборного уложения стала статья 58 главы 21 [Соборное уложение..., 1961, с. 276]. Исходя из ее текста, любые разногласия в показаниях подследственного являются основанием для применения пытки.

При этом также применимой была и статья 50 той же главы. Согласно ей, пытка может быть проведена даже в случае, если разногласий нет как таковых, но подследственный не признает обвинение, которое было выдвинуто ему при поимке/задержании/приводе [Соборное уложение..., 1961, с. 276].

Три перечисленные выше статьи регулировали основные аспекты процесса. Статьи 9 и 58 применялись в примерно одинаковом количестве дел как в 1755 г., так и в 1764 г., в то время как применение статьи 50 участилось более чем на 10%.

В таблицу 1 включены наиболее применявшиеся статьи, а также те, в которых разница включения между двумя периодами составила около (или более) 10%.

Выше был проанализирован указ Екатерины II от 10 февраля 1763 г., который стал повсеместно применимым в общеуголовном следствии. Характерной его чертой стало осуждение пытки и значительное сужение области ее применения. Тем не менее, если производить сравнение между двумя периодами, именно в 1764 г. применение данного следственного мероприятия возросло более чем на 10%. Изучение данного феномена требует максимально тщательного рассмотрения оригиналов протоколов с целью установить, как именно фиксировались следственные мероприятия, а также составить детализацию действий органов полиции.

Несмотря на применение побочных указов, основой следствия оставалось именно Соборное уложение, и следственные мероприятия были продиктованы во многом статьями этого нормативно-правового акта. Если сравнивать количество приводимых законодательных актов в 1755 г. и в 1764 г., наблюдается значительный рост общего количества статей и экстрактов, которые следствие включало в дело.

Исходя из приведенной в таблице 1 информации, наиболее применимыми стали статьи 40, 44, 50, 54 и 100. Все они регулируют назначение или применение пытки в деле. Статьи 44 и 100 посвящены деталям применения: в статье 44 указаны действия

в случае признания ответчиком во время пытки, что его оговорили; статья 100 регулирует «сговор» (то есть признание своей невиновности) ответчиком во время пытки. Статьи 40, 50 и 54 представляют собой условия назначения пытки, содержание которых стоит рассмотреть отдельно.

Статья 40, применение которой выросло чуть менее, чем на 10%, гласит, что пытка может быть реализована «без обыску» в случае, если под следствием находятся двое и более участников преступной группировки, которые дают показания на человека, ранее не находившегося под следствием по указанному делу.

В статье 50, применение которой выросло на 11%, указано, что пытку можно было применить в случае, если приведенный с поличным ответчик не приводил достаточно доказательств своей невиновности. Примерно те же положения указывались и в статье 54 (ее применение возросло на 7%).

Таким образом, при помощи включения указанных статей следствие значительно расширяло область применения пытки. Во всех делах за 1764 г., где приводились расширенные экстракты, содержащие приведенные статьи, они сопровождалась выписками из указа 10 февраля 1763 г. Появление пункта о пытке как о «нежелательной мере» обязывало следствие давать более подробное основание ее назначения.

Несмотря на включение ссылок на указанные статьи, их действие не было прямым. Говоря о сторонах, которые регулировались большинством ссылок из экстрактов, в первую очередь вопрос касается пытки. Согласно статьям Соборного уложения, пытка может (и должна) применяться практически в каждом деле в случае, если подсудимый не полностью признает свою вину, или же имеется подозрение на его участие в других преступных деяниях.

Несмотря на изменение в регулировании следственных мероприятий, подразумевающих телесные методы изыскания истины, произошедших в 1763 г., более четкое разделение между пристрастным расспросом и пыткой прослеживается в делах за 1755 г. Это продиктовано одним важным обстоятельством: существовавшее разделение полномочий между полицией и Сыскным приказом как органом первичного дознания и органом, занимавшимся непосредственно розыском, давало полиции полномочия проводить в том числе и пристрастный расспрос, а также, при передаче дела, включать информацию о проведении в опись.

Данную меру регулировала статья 8 Новоуказных статей «О татевных, разбойных и убийственных делах» 1669 г. (далее — Новоуказная статья 8):

«8. А приведут татя, а доведут на него одну татьбу, а он в той татьбе в распросе без пытки повинится: и его спрашивать накрепко и в иных татьбах с пристрастием, а не пытать...» [ПСЗРИ, 1-е собр., т. I, № 431].

Согласно этой статье, пытка, предусмотренная статьями Соборного уложения, заменялась на пристрастный расспрос. При этом указ содержал только информацию об условиях ее назначения, а не регламентацию проведения. Ниже приводится таблица 2, в которой соотнесен процент включения статьи в экстракты и применения в делах за 1755 и 1764 гг.

Таблица 2. Основание и применение пристрастного расспроса, %

Таблица 2. Foundation and application of the biased interrogation, %

| Год | Включение статей в экстракты | Применение |
|------|------------------------------|------------|
| 1755 | 26,47 | 26,47 |
| 1764 | 12,96 | 33,33 |

Источник: [РГАДА, ф. 373, оп. 1, ч. 1, д. 7, 9, 13, 15, 19, 42, 47, 51, 52, 56, 67, 70, 83, 84, 86, 89, 114, 127, 139, 160, 161, 185, 186, 198, 200, 201, 205, 216, 218, 219, 220, 223, 224, 227, 231, 233, 236, 238, 240, 243, 245, 247, 250, 258, 260, 270, 290, 293, 297, 299, 311, 314]

Source: [RSAAA, n.d., f. 373, op. 1, ch. 1, d. 7, 9, 13, 15, 19, 42, 47, 51, 52, 56, 67, 70, 83, 84, 86, 89, 114, 127, 139, 160, 161, 185, 186, 198, 200, 201, 205, 216, 218, 219, 220, 223, 224, 227, 231, 233, 236, 238, 240, 243, 245, 247, 250, 258, 260, 270, 290, 293, 297, 299, 311, 314]

Исходя из данных таблицы 2, в 1755 г. процент применения и основания в экстрактах совпадает, в то время как в 1764 г. разница между двумя параметрами превышена более чем на 20%. Главной причиной можно назвать тот факт, что в 1755 г. пристрастный расспрос преимущественно проводился полицией, после чего вместе с экстрактом передавался в Сыскной приказ, где приводились все основания следственных действий, в то время как в 1764 г. подавляющее число применения принадлежало Московской розыскной экспедиции.

В таблицах отображена динамика применения пристрастного расспроса в 1755 и 1764 гг. (в выборку включены только дела, переданные из полиции).

Исходя из приведенных данных, общее применение данной меры осталось на том же уровне, на котором находилось в 1755 г. Тем не менее сыграло роль изменение ротации органов: в 1764 г. применение пристрастного расспроса в Московской розыскной экспедиции превышало применение этой меры в полиции более чем в два раза. Данная динамика свидетельствует о большей централизации применения следственных действий в рамках главного судебно-следственного органа и постепенной разгрузке полиции.

Переходя от статистических данных к анализу применения самой следственной меры на практике, стоит отметить, что, в отличие от пытки, пристрастный расспрос не имел законодательного регулирования как следственный метод. Как в 1755 г., так и в 1764 г. его применение фиксировалось в делах исключительно формально: «и в чем по делу надлежит сущей справедливости роспрашиван с пристрастием под плетми» [РГАДА, ф. 373, оп. 1, д. 258, л. 135].

Наиболее развернутая запись производилась следующим образом:

«1755 году генваря 24 дня в журнале Московской полицы записано: По оному делу приказали объявленного ч[е]л[о]в[е]ка Дмитрия Запешного сечь кошками и притом спрашивать, где он объявленное приносное серебро и прочее взял и не украл ли у кого и что» [РГАДА, ф. 372, оп. 1, д. 3288, л. 4].

Ни в одном из дел не встречаются подробности проведения: количество ударов, основание выбора орудия применения (это могли быть плети, розги, батоги или кошки) или другая информация. Регламентацию проведения расспроса с пристрастием можно найти фрагментарно всего в двух нормативно-правовых актах. Первым из них является указ Петра I от 1712 г. «Краткое изображение процессов и судебных тяжб». В указанном законодательном акте присутствует глава «О распросе с пристрастием и о пытке», но данной мере посвящена только одна статья, уточняющая значение определения, но не вносящая информации о применении на практике:

«Сей распрос [пристрастный] такой есть, когда судья того, на котораго есть подозрение, и оный добровольно повинится не хочет, пред пыткою спрашивает, испытуя от него правды и признания в деле» [Маньков, Чистяков, 1986, гл. 6, п. 1].

Единственная формулировка, которая применяется относительно регламентации, — «пред пыткою спрашивает».

Вторым актом становится закрепленный в ПСЗРИ судебный прецедент, зафиксированный Сенатом от 19 мая 1750 г. «О чинении пристрастных допросов под батожем и кошками в следствиях по корчемным делам» [ПСЗРИ, 1-е собр., т. XIII, № 9746]. Большая часть текста посвящена сути частного дела (мошенничество при продаже вина) и не затрагивает процессуальной стороны. Но в нескольких частях указа сказано, что пристрастный распрос проводится при помощи батогов, плетей или кошек.

Иных нормативно-правовых актов, регулирующих основы применения распроса с пристрастием и применявшихся на практике, не выявлено.

Пытка, напротив, имела широкую базу законодательного регулирования. Она имела подробный перечень условий назначения, а также и в иных нормативно-правовых актах оговаривался точный регламент ее применения.

Актуальным для середины XVIII в. нормативно-правовым актом, включавшимся в дела, где применялась пытка, стал указ от 23 октября 1673 г. «О пытках воров, в случае заперательства, кнутом¹ и сжением их на огонь»:

«Которые воры присланы будут из городов, а в городах они и в воровствах своих винулись, а на Москве в Розбойном приказе, станут речи свои городовья лживить: тех воров в Розбойном приказе по указу Великого Государя, пытать трижды и огнем жечь, а в первой пытке дать им восемьдесят ударов без спуска, а в другия сто двадцать, а в третьи сто пятьдесят. А приводных людей, которые приведены будут с поличным, или по челобитью истцов, а доведутся они по указу Великого государя пытать трожды: и тем приводным людем, в первой пытке дать им пятьдесят ударов без спуска, и другая восемьдесят ударов, а в третия сто ударов» [ПСЗРИ, 1-е собр., т. I, № 561].

В судебно-следственных делах, включенных в выборку настоящего исследования, ссылка на этот указ является основной из сопроводительных в экстрактах к применению пытки.

¹ В самом тексте акта слово «кнут» не применяется. Нет указаний, что название указа является аутентичным, данная формулировка может принадлежать исключительно составителям ПСЗРИ.

В первую очередь стоит отметить, что в тексте нормативно-правового акта не содержится информации о том, каким инструментом должна производиться пытка (кнутом, плети, батоги и проч.). В историографии господствует мнение (подкрепленное делопроизводственной документацией первой половины XVIII в.), что для пытки применялся в основном кнут. Тем не менее сомнительным остается предписание именно этого инструмента указом, так как подобное количество ударов, нанесенных кнутом, не оставило бы подследственных в живых [Анисимов, 1999, с. 287].

При изучении дел, включенных в выборку настоящего исследования, можно выделить несколько важных аспектов применения пытки.

В 1755 г. во всех делах, где фиксировалось применение пытки, число ударов варьируется от 13 до 30, и указано, что инструментом является именно кнут. Выбор количества ударов зависел от возраста, пола и физического состояния подследственного. Пытка производилась в три этапа, между ними соблюдался временной промежуток около месяца (требовавшийся для восстановления физического состояния подследственного). В различных случаях количество ударов могло варьироваться (в сторону увеличения с каждой последующей пыткой); во время третьей пытки, как правило, к кнуту добавлялось «жжение огнем».

После включения в дело экстракта, содержащего текст из указа от 23 октября 1673 г., производилось назначение пытки. В делах четко фиксировалось и само применение (количество ударов, этап пытки), и показания, данные подследственным по делу.

В 1755 г. применение пытки составило 11,76% среди изученных дел, в то время как в 1764 г. оно выросло до 24,07%. Переходя к применению пытки при Екатерине II, стоит в первую очередь отметить, что в 1764 г. кнут был заменен плетью. Законодательного основания в нормативно-правовых актах екатерининского законодательства не найдено, но пытка плетью стала «новшеством» Московской розыскной экспедиции¹. Что характерно, при переходе на применение плетей вместо кнута количество ударов равнялось тому, какое указывалось в нормативно-правовом акте 1673 г.

Обсуждение

В настоящий момент исследование продолжается, наиболее приоритетными для дальнейшего изучения являются направления, проливающие свет на ряд вопросов, которые не освещены в предшествующей историографии и могут иметь принципиально важное значение для понимания процессов преобразования следствия. В первую очередь, не проясненной остается роль «Наказа...». Внимание исследователей к данному памятнику законодательства было приковано еще с начала XIX в., но его реализация на практике не изучена. «Наказ...» не был самостоятельным нормативно-правовым актом, который регулировал процесс, также в исследованных делах за 1768 г. и в последующей практике ни в одном из экстрактов ссылок на него не присутствует [Петрова, 2017, с. 95–96]. Тем не менее результаты изучения судебно-следственных мероприятий за 1768 г., не включенных в настоящую статью, позволяют сделать вывод о том, что при-

¹ По сравнению с 1755 г. и деятельностью Сысного приказа.

менение пытки было значительно сокращено по сравнению с предыдущим периодом. Причины этого остаются перспективными для исследования.

Отдельным направлением анализа становится практика взаимодействия административных органов, в первую очередь Московской розыскной экспедиции (ранее — Сыскного приказа) и Московской полицмейстерской канцелярии. Одним из катализаторов реформирования суда и следствия в первые годы правления Екатерины II является изменение иерархии административных органов, согласно «Манифесту о Сенате» от 15 декабря 1763 г. Именно этим указом Сыскной приказ был упразднен и заменен на Московскую розыскную экспедицию, главным отличием которой стало измененное положение в системе государственных органов. Роль этой смены места в иерархии также требует дальнейшего изучения.

Заключение

Проведенное исследование уголовного процесса середины XVIII в. на примере компаративного исследования общеуголовных дел по имущественным преступлениям за 1755 и 1764 гг., соотнесенное с законодательными источниками, позволяет сделать несколько выводов.

Первичное следствие в XVIII в. подвергалось наибольшим структурным трансформациям. Важнейшей чертой уголовного процесса второй половины 1750-х гг. является высокая роль полицейского дознания: Московская полицмейстерская канцелярия вела большую часть следствия. В компетенцию полицейских органов входил не только допрос, но и дальнейшие действия в случае получения неоднозначных показаний (в первую очередь инструментом дознания становился пристрастный расспрос). Количество дел, которые впоследствии велись в главном судебно-следственном органе Москвы и были инициированы полицией, в оба периода составляют большой процент. В 1755 г. в иерархии административных органов Сыскной приказ и Московская полицмейстерская канцелярия находились на одном уровне, а их компетенции были разделены только указом, учреждавшим Сыскной приказ, — в его ведении отныне находился исключительно «розыск», в то время как круг обязанностей относительно первичного следствия не был четко определен. В этот период полиция проводила всё первичное следствие, в то время как Сыскной приказ, в случае передачи дела из полицмейстерской канцелярии, преимущественно реализовывал только пытку и суд. Для передачи дела из полиции в Сыскной приказ требовалось довести дело до «розыска», т. е. обосновать применение пытки.

Указом от 10 февраля 1763 г. в общеуголовное судопроизводство была введена обязательность увещания, которое необходимо было проводить после получения «разноречий» в показаниях. Проведение данного следственного мероприятия становилось прерогативой главного судебно-следственного органа. Полиция после получения неоднозначных показаний на первичном допросе более не имела права вести самостоятельно следствие, применяя очные ставки и расспрос с пристрастием, а была обязана передать дело в Московскую розыскную экспедицию. Таким образом, действие указа позволило

изменить ход первичного следствия, более четко обозначив компетенцию Московской розыскной экспедиции и сняв с полиции часть обязательств по дознанию. Изменение иерархии административных органов (которое в числе прочего было введено «Манифестом о Сенате» от 10 декабря 1763 г.) позволило трансформировать ход первичного следствия в общеуголовных делах.

Законодательные основы процесса в оба периода преимущественно принадлежали к Соборному уложению 1649 г. Несмотря на совпадение наиболее применимых статей в оба периода, к 1764 г. наблюдается значительный рост включения статей, обосновывающих пытку. В 1764 г. в каждом из дел, которые велись в Московской розыскной экспедиции, присутствовали ссылки на именной указ Екатерины II от 10 февраля 1764 г., так как следствие базировалось именно на принципах, заложенных этим документом. Несмотря на структурные изменения процесса (изменение компетенций полиции и главного судебно-следственного органа), следственные мероприятия: допрос, очная ставка, повальный обыск, пытка, расспрос с пристрастием — оставались применимы по тем же образцам, что и в 1755 г. Введение в следствие процедуры увещевания позволило сократить количество дел, в которых для разрешения «разноречий» применялся пристрастный расспрос. Применение пытки сохранялось, несмотря на ее осуждение со стороны императрицы, выраженное в тексте именного указа от 10 февраля 1763 г., при этом пытка по-прежнему оставалась обособлена как розыск, в то время как расспрос с пристрастием сохранял автономность от него и продолжал применяться в стенах полиции, но в меньшем числе случаев. Важной причиной, которая послужила регулярному изданию норм, регулирующих судебно-следственный процесс во второй половине XVIII в., стала направленность правительства на три принципиальные аспекта уголовного процесса: устранение пробелов в праве, кодификацию законодательства и ориентированность на принципы эпохи Просвещения.

Проведенное исследование позволяет заключить, что преобразования суда и следствия, проведенные Екатериной II в первые годы ее правления, положили начало кардинальным изменениям в уголовном процессе XVIII в.

Список источников

- Акельев Е. В., Бабкова Г. О. 2012. «Дабы розыски и пытки могли чинитца порядочно, как указы повелевают»: эволюция теории и практики «розыскного» процесса в России первой половины XVIII в. // *Cahiers du Monde Russe*. № 53/1. С. 15–39. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9362>
- Анисимов Е. В. 1999. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение. 720 с.
- Бабкова Г. О. 2012. «Безгласные граждане»: малолетние преступники в судебной системе России 1750–1760-х годов: препринт WP19/2012/04. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 32 с.
- Витт В. 1909. Екатерина II, как криминалистка. Уголовно-правовая доктрина Наказа в ее отношении к западно-европейской теории и к русской действительности. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза». 122 с.

- Волков В. В., Хархордин О. В. 2008. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 298 с.
- Екатерина II. 1907. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. [и с предисл.] Н. Д. Чечулина. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. 175 с.
- Есипов Г. Е. 1861. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной Розыскных дел канцелярии. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза». Т. 1–2. 664 с.
- Иконников В. С. 1890. Страница из истории Екатерининского наказа [об отмене пытки в России]. Киев: Тип. В. И. Завадского. 28 с.
- Каменский А. Б. 2006. Повседневность русских городских обывателей: ист. анекдоты из провинц. жизни XVIII в. М.: РГГУ. 403 с.
- Коллманн Н. Ш. 2016. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение. 616 с.
- Курукин И. В., Никулина Е. А. 2008. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М.: Молодая гвардия. 639 с.
- Маньков А. Г. (ред. тома), Чистяков О. И. (общ. ред.). 1986. Российское законодательство X–XX вв. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература. 511 с.
- Омельченко О. А. 2004. Власть и закон в России XVIII века. Исследования и очерки. М.: МГИУ. 604 с.
- Петрова М. С. 2017. Практика розыскного процесса в России в 60-е годы XVIII века: выпускная квалификационная работа. М. 102 с.
- Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. III. № 1572.
- Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. I. № 431.
- Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. I. № 561.
- Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. XIII. № 9746.
- Российский государственный архив древних актов. Ф. 373. Оп. 1. Ч. 1. Д. 7, 9, 13, 15, 19, 42, 47, 51, 52, 56, 67, 70, 83, 84, 86, 89, 114, 127, 139, 160, 161, 185, 186, 198, 200, 201, 205, 216, 218, 219, 220, 223, 224, 227, 231, 233, 236, 238, 240, 243, 245, 247, 250, 258, 260, 270, 290, 293, 297, 299, 311, 314.
- Российский государственный архив древних актов. Ф. 372. Оп. 1. Д. 3288.
- Российский государственный архив древних актов. Ф. 373. Оп. 1. Д. 13.
- Российский государственный архив древних актов. Ф. 373. Оп. 1. Д. 258.
- Румянцева М. Ф. (отв. ред.). 2015. Источниковедение: учебное пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 685 с.
- Семевский М. И. 1991. Слово и дело! 1700–1725. М.: Московский кадровый центр. 328 с.
- Серов Д. О. 2009. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М.: Зерцало-М. 488 с.
- Словарь Академии Российской. 1789–1794. СПб.: Императорская Академия Наук.
- Смилянская Е. Б. 2003. Волшебники. Богохульники. Еретика: народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик. 462 с.
- Смирнов А. В. 2000. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука: Изд-во Альфа. 237 с.

- Соборное уложение 1649 года. 1961. М.: Изд-во Московского ун-та.
- Солодкин И. И. 1966. Русское уголовное право в конце XVIII — первой трети XIX веков: дис. ... д. ю. н. Ленинград. 169 с.
- Чельцов-Бebutov М. А. 1948. Уголовный процесс. М.: Юриздат. 846 с.
- Hart H. L. A. 1994. The Concept of Law. 2nd edition. Oxford: Clarendon Press. 325 pp. <https://discoversocialsciences.com/wp-content/uploads/2018/08/The-Concept-of-Law-Second-Edition.-H.L.A.-Hart.pdf>
- Rodriguez-Blanco V. 2005. Method in law: revision and description // Science or Jurisprudence? / S. Coyle, G. Pavlakos (eds.). Oxford: Hart Publications. Pp. 63–88.

References

- Akeliev, E. V., & Babkova, G. O. (2012). "So that criminal investigations and torture be properly conducted, as prescribed by law." Evolution in the theory and practice of criminal investigations in Russia during the first half of the eighteenth century. *Cahiers du Monde Russe*, 53(1), 15–39. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9362> [In Russian]
- Anisimov, E. V. (1999). *Rack and Whip: Political Detention and Russian Society in the 18th c.* Novoe Literaturnoe Obozrenie. [In Russian].
- Babkova, G. O. (2012). "Headless citizens": juvenile criminals in the judicial system of Russia 1750–1760s [Preprint WP19/2012/04]. Izd. dom Higher School of Economics. [In Russian].
- Witt, V. (1909). *Catherine II as a Criminalist. The Criminal-Legal Doctrine of the Nazakaz in its Relation to the West-European Theory and to the Russian Reality.* Obshchestvennaya polza. [In Russian].
- Volkov, V. V., & Kharkhordin, O. B. (2008). *Practice Theory.* Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. [In Russian].
- Catherine II. (1907). *The order of Empress Catherine II, given to the Commission on composing the draft of the New Code* (N. D. Chechulin, Ed., Foreword). Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk. [In Russian].
- Esipov, G. E. (1861). *Raskolniki cases of the 18th c., extracted from the files of the Preobrazhensky Priказ and the Secret Investigative Chancellery.* Vols. 1–2. Obshchestvennaya polza. [In Russian].
- Ikonnikov, V. S. (1890). *Page from the history of Catherine's punishment [on the abolition of torture in Russia].* Tip. V. I. Zavadskogo. [In Russian].
- Kamensky, A. B. (2006). *Everyday life of Russian city dwellers: anecdotes from provincial life of the 18th c.* Russian State University of Grodno. [In Russian].
- Kollmann, N. S. (2016). *Crime and Punishment in Early Modern Russia.* Novoe literaturnoe obozrenie. [In Russian].
- Kurukin, I. V., & Nikulina, E. A. (2008). *Daily Life of the Secret Chancellery.* Molodaya Gvardiya. [In Russian].
- Mankov, A. G., & Chistyakov, O. I. (Eds.) (1986). *Russian Legislation in 10th–20th c. Vol. 4: Legislation of the Period of Absolutism Formation.* Yuridicheskaya Literatura. [In Russian].
- Omelchenko, O. A. (2004). *Power and Law in Russia of the 18th c. Studies and Essays.* MGIU. [In Russian].

- Petrova, M. S. (2017). *The Practice of the Search Process in Russia in the 60s of the 18th c.* [Graduate qualification work]. [In Russian].
- Full Collection of Laws of the Russian Empire.* (n.d.). (Vol. 3, no. 1572). [In Russian].
- Full Collection of Laws of the Russian Empire.* (n.d.). (Vol. 1, no. 431). [In Russian]
- Full Collection of Laws of the Russian Empire.* (n.d.). (Vol. 1, no. 561). [In Russian]
- Full Collection of Laws of the Russian Empire.* (n.d.). (Vol. 13, no. 9746). [In Russian]
- Russian State Archive of Ancient Acts. (n.d.). (F. 373, op. 1, ch. 1, d. 7, 9, 13, 15, 19, 42, 47, 51, 52, 56, 67, 70, 83, 84, 86, 89, 114, 127, 139, 160, 161, 185, 186, 198, 200, 201, 205, 216, 218, 219, 220, 223, 224, 227, 231, 233, 236, 238, 240, 243, 245, 247, 250, 258, 260, 270, 290, 293, 297, 299, 311, 314). [In Russian]
- Russian State Archive of Ancient Acts. (n.d.). (F. 372. Оп. 1. Д. 3288. [In Russian]
- Russian State Archive of Ancient Acts. (n.d.). (F. 373, op. 1, d. 13). [In Russian]
- Russian State Archive of Ancient Acts. (n.d.). (F. 373, op. 1, d. 258). [In Russian]
- Rumyantseva, M. F. (Ed.). (2015). *Source Study: Textbook.* Higher School of Economics. [In Russian].
- Semevsky, M. I. (1991). *Word and Deed! 1700-1725.* Moskovskiy kadrovyy tsentr. [In Russian].
- Serov, D. O. (2009). *Judicial Reform of Peter I: Historical and Legal Study.* Zertsalo-M. [In Russian].
- Dictionary of the Russian Academy.* (1789–1794). Imperskaya Akademiya Nauk. [In Russian].
- Smilyanskaya, E. B. (2003). *Magicians. Blasphemers. Heretics: Popular Religiosity and "Spiritual Crimes" in Russia in the 18th c.* [In Russian].
- Smirnov, A. V. (2000). *Models of Criminal Process.* Nauka: Alfa. [In Russian].
- Sobornoe ulozhenie 1649.* (1961). Izd-vo Moskovskogo un-ta. [In Russian].
- Solodkin, I. I. (1966). *Russian criminal law in the late 18th–early 19th c.* [Dissertation]. [In Russian].
- Cheltsov-Bebutov, M. A. (1948). *Criminal Process.* Yurizdat. [In Russian].
- Hart, H. L. A. (1994). *The Concept of Law* (2nd ed.). Clarendon Press. <https://discoversocialsciences.com/wp-content/uploads/2018/08/The-Concept-of-Law-Second-Edition.-H.L.A.-Hart.pdf>
- Rodriguez-Blanco, V. (2005). Method in law: revision and description." In S. Coyle, & G. Pavlakos (Eds.), *Science or Jurisprudence?* (pp. 63–88). Hart Publications.

Информация об авторе

Мария Святославовна Петрова, аспирант Школы исторических наук, старший преподаватель факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики, Москва, Россия
mspetrova@hse.ru

Information about the author

Mariia S. Petrova, Postgraduate Student, Doctoral School of History, Senior Lecturer, Faculty of Humanities, Higher School of Economics, Moscow, Russia
mspetrova@hse.ru